

НЕСГИБАЕМАЯ КАТЕРИНА

Рассказ

Катерина мучилась уже неделю. Болело всё. Каждая клеточка. До тошноты, до темени в глазах.

Катерина – худощавая старуха, лет семидесяти. Сутулилась, ходила быстро, почти бегом, с вечно озабоченным лицом. Несмотря на возраст, была крепкой, жилистой.

Не было такой работы, с которой бы Катерина не справились. Дрова ли колоть, снег ли чистить, огород ли копать – всё едино. Особенно уважала мужскую работу: бить-колотить – это, пожалуйста! Сарайку старую разобрать – милое дело! Яму сливную вырыть – с превеликим удовольствием!

А вот кухню терпеть не могла. Её ж, бабскую работу, не видать: сварил – съел, дома убрался, глядишь – опять беспорядок. Внуки. Что тут поделаешь?

Работала Катерина с упоением. Бывало, поесть забывала.

– Ох, нехорошо мне что-то сегодня, – жаловалась дочери.

– Чего нехорошо-то? В каком месте? – интересовалась дочь.

– Слабость... – прислушавшись к себе, заключала Катерина.

– Да ты ела сегодня? – первым делом спрашивала дочь.

А не помню! – отмахивалась Катерина.

Добро бы поесть забывала, но подвиги её трудовые неизменно сопровождались повышенным травматизмом. Билась, резалась, кололась – с завидным постоянством. Катерина ходила с вечно перебинтованными пальцами, заклеенная пластырями, руки-ноги в синяках – смотреть страшно.

В прошлом месяце рубанула по пальцу топором, благо вскользь. Вгорячах замотала тряпкой – и дальше: колоть. Потом глянула, а там...

В больницу сроду не обращалась. Ещё не хватало! Прошлым летом у Катерины в очередной раз переключило спину: ни

согнуться, ни разогнуться. Дочь, не спросясь, записала её к массажисту. И деньги вперёд заплатила, о чём матери и сообщила.

Катерина вскипела:

– Это ж в район мотаться!

– Ничего. У тебя зять есть. Свозит. Не переломится.

Делать нечего – деньги уплочены. На массаж она честно десять дней отходила. Спину отпустило. Но дочери за это время пришлось много чего о себе выслушать.

– Ну, чего ты возмущаешься – увещевала она мать. – Прошла ведь спина! Не зря ходила.

– Прошла! У меня вон на огороде – конь не валялся! Картошку окучивать надо. А мне ж с массажем твоим делать ничего нельзя!

Не послушать врача Катерина не могла. Сунется в огород – всё лечение насмарку. Деньги, считай, на ветер. На это она пойти не могла.

– Да кому он твой огород сдался?! – раздражалась в свою очередь дочь.

– А вам ничего не надо! – с досадой махала Катерина рукой.

Болезни Катерина привыкла переносить стоически: стиснув зубы, серея лицом, сдерживая стоны. Таблетки не пила принципиально. Обходилась народными средствами. Очень уважала газету «Знахарь».

– Чего это у тебя опять? – подозрительно приняхивалась дочь к стоящей на буфете трёхлитровой банке.

В банке было намешано не пойми что. Как оказалось: мёд, шоколад и куриные яйца – целые, в скорлупе.

– Ты себя в могилу вгонишь своими снадобьями!

– Ты послушай, послушай... – хваталась за газету Катерина. Глаза её при этом возбуждённо блестели.

– Я этот «Знахарь» в печке спалю! – кипятилась дочь, слушая очередной жутковатый рецепт.

Если Катерина обнаруживала какой недуг у дочери, глаза её загорались охотничьим блеском. На прошлой неделе та имела неосторожность пожаловаться на горло.

– Луковицу режешь на части, берёшь в рот и глубоко дышишь. Через рот. Аж ноги трясутся! – восхищённо сообщила Катерина.

Дочь прыснула.

– Ну, чё ты ржешь-то? – обиделась Катерина. – Я всегда так спасаюсь. Ты попробуй! Как рукой снимет!

Подчас эксперименты её едва не заканчивались трагически. Прошлым летом загремела в больницу. Две недели – под капельницей. На этот раз Катерина вычитала где-то, что от зубной боли надо жевать листья чистотела. Чистотела в огороде было навалом. Не пропадать же добру. Ну, и...

С тех пор дочь держала это дело на контроле. И если очередной рецепт не грозил вогнать мать в гроб – не вмешивалась.

Спину, на этот раз, Катерина надорвала, таская уголь. Но теперь она уже сомневалась: а спина ли это? Она лежала в своей комнатёнке, вытянувшись на кровати. Длинный, с горбинкой, нос упрямо глядел в потолок.

Катерина перебирала в голове самые страшные из известных ей болезней. Была у неё такая слабость. На этот раз она остановилась на раке желудка. Почему желудка? Желудок, казалось, болел сильнее остальных органов.

Катерина прокручивала в голове жутковатые сценарии развития событий. Смаковала их, испытывая при этом малопонятное удовольствие. Она ясно представляла грозящие ей несчастья. В красках. В лицах.

В самый разгар «кино», когда ближайšie родственники под траурный марш несли её за Паутовское озеро – местное кладбище, пришла дочь, не дав насладиться печальным зрелищем до конца. А у Катерины, между прочим, уже и скупая непрошенная слеза нарисовалась.

Дочь заглянула в комнату.

– Ну что, лежишь?

– Лежу. Чего мне? – в голосе Катерины явно слышалось неудовольствие.

– В больницу, конечно, не пойдёшь?

– Щас! Всё брошу и побегу.

– Ну да, чего я спрашиваю?! Я там баньку стопила. Пойдёшь?

Катерина помолчала:

– Попозже.

– Может, помыть тебя?

– Помру – помоешь.

– Тьфу!

Дочь вышла.

Как Катерина ни хорохорилась, но на этот раз трухнула по-настоящему. Третий день – пластом, не вставая. Такого она и не упомнит. На сердце нехорошо скребло.

«Ну а что? Почитай, семьдесят пять годков пожила, – уговаривала себя Катерина. – Хорошо пожила. Дочь вон подняла. Одна. Внуки опять же. Пожила... Пора и честь знать. Хочешь не хочешь, а придётся. Куда денешься? На том свете, поди уж, прогулы ставят...» – невесело усмехнулась Катерина.

Первый раз вот так вот задумалась она о неминуемом и первый раз с горечью осознала: сколько ни поживи – а всё мало. Ишь, жизнь-то как пронеслась! Всё работа, работа... И не заметила! А тут, видать, и впрямь время помирать пришло. И как это старики, бывает, жалуются, что устали, дескать, жить, – помереть бы.

«Врут, небось! – разозлилась Катерина. – Устали они... Как же! Придуриваются!»

Такие вот невесёлые мысли одолели Катерину. Но, натуро-то не переделать! Она стала прикидывать, с какими хлопотами столкнутся родные, в случае чего. Сам не позаботишься – через пень колоду ведь всё сделают!

Так... Смертное она давно уж приготовила и дочери, невзирая на её протесты, строго-настрого наказала, в чём хоронить.

– Туфли-то, смотри, вон те, коричневые, а то напялишь – чё попало. Буду потом, как Зинка, дура дурой лежать.

Про Зинку история та ещё была... И смех и грех.

Зинка – соседка, померла прошлой осенью. Перед смертью строго-настрого наказала снохе ни в коем случае не надевать ей новые, ни разу не надёванные, мужем дарёные туфли. Туфли были ядовито-зелёного цвета. Что двигало её благоверным, когда тот решил порадовать жену на старости лет, покупая такую красоту, осталось для всех загадкой.

Зинка мужа обижать не хотела, но и носить такую срамотень, как она выразилась, – душа не принимала. Выкрасить да выбросить! – плевалась Зинка. На назойливые вопросы мужа, почему, туфли не носит, объясняла, что, жалко, мол, такую красоту по деревне-то трепать.

И тут случилось ей помереть. А перед смертью шибко она переживала, в каких туфлях в последний путь отправится. Сноха клятвенно пообещала Зинаиде позора не допустить. Ну, а как померла Зинка, да стали её обряжать, тут и оказалось, что муж ни в какую не желает уступать – плачет, убивается: дескать, не довелось жене при жизни туфли надеть, берегла всё, пусть хоть в гробу в них полежит.

«Ладно, – махнула рукой сноха, и про себя решила: – на кладбище, как прощаться будем, переобую её незаметно».

На кладбище сноха, дождавшись пока все попрощаются, пряча под мышкой «сменку», подошла к гробу. Но не тут-то было! Старик от жены не отходил до последнего. Переобуть свекровь никак не представлялось возможным. Так и похоронили Зинку в зелёных туфлях.

Сноха, правда, в последний момент изловчилась и незаметно пакет-то с переобувкой в ноги свекрови сунула. Хоть так, мол...

Ох, и сокрушалась... Ох, и переживала потом, плачась подружкам и уверяя, что свекровь, и в жизни не отличавшаяся покладистым характером, приходит теперь к ней по ночам и страшно ругается: почто, дескать, та обещание не сдержала.

«А ты зачем пакет-то ей сунула в гроб? – издевались подружки. – Думала, она сама там переобуется?»

Всякий раз, вспоминая историю Зинки, дочь с матерью показывались со смеху. «И в цирк ходить не надо», – вытирая слёзы, говорила Катерина. И туфли, на всякий случай, загодя приготовила сама.

Кого на похороны позвать, чем кормить-поить, Катерина тоже распорядилась заранее. А вот с могилкой – упущение вышло. Кто копать-то будет? В деревне мужиков – раз-два и обчёлся. Зять в командировке, как на грех. Обычно в таких делах обращались к Виктору Перевозчикову, мужику непутёвому, запойному. Однако ж выбирать не приходится. Да и пристрастие его сильно дело облегчало. В подвале у Катерины четверть самогона домашнего давно стояла, дожидалась своего часа. Видать, время пришло.

– Антонина...

– Чего тебе? – заглянула в комнату дочь.

– Зови Виктора, – велела Катерина.

– Зачем это? Чего опять придумала? – вскинулась та.

– Не твоё дело. Зови.

Виктор жил на краю села. Один. Жена с детишками в прошлом году в город перебралась. Долго Наталья терпела пьянство мужа, да, видать, силы кончились. Мыкался мужик теперь бо-былём.

Несмотря на то, что пил Виктор беспробудно, и трезвым его отродясь никто не видел, выглядел он исключительно. В свои пятьдесят три был строен, подтянут, на лице – ни морщинки.

«Проспиртовался, собака! – делали вывод деревенские. – Вишь, не стареет, и ни одна бацилла его не берёт!»

– Ну, чё, Катерина Петровна, никак помирать собралась? – сняв замызганную кепку, Виктор, пригнувшись, вошёл в комнату.

– Пора, видать, – отозвалась Катерина.

– Ну, так: как ни хорониться, а от смерти не оборониться.

– Это да... – вздохнула Катерина.

– Да ты вроде бабка-то крепкая. Или болит чего?

– Спроси лучше – чего не болит, – отмахнулась Катерина.

– Ага! – некстати хохотнул Виктор. – Смерть одна, а болезней тьма! Ну, ты, того... Не переживай. Оприходуем в лучшем виде.

– Тоже мне, оприходовальщик, – Катерина недовольно поморщилась: ей не нравился легкомысленный тон Виктора. Она настроилась, было, на обстоятельный разговор, а тому всё ханьки. – Ты, смотри, место-то посуше, выбери. На взгорке. А то знаю я тебя! Лежи потом в слякоти...

– А тебе, бабка, не один хрен?!

Катерина недобро глянула на Виктора. Тот поёжился под её взглядом.

– Да не переживай, мать, всё будет в лучшем виде. Ты послушай, что говорил об смерти Блаженный Августин, – Виктор потянулся в карман, вытащил небольшую замусоленную книжицу и, посплюнявив пальцы, полистал.

– Ну всё: понесли калоши Витю... – Катерина махнула рукой.

В деревне все знали об этой его придури. Виктор всегда носил с собой записную книжку с разными умными изречениями, которую периодически, в минуты просветления, пополнял новыми премудростями.

– «Заботы о погребении, устройство гробницы, пышность похорон – всё это скорее утешение живым, чем помощь мёртвым», – подняв палец, многозначительно изрёк Виктор. – А вот, что на сей счёт, говорил Сенека...

– Да залепися ты! – психанула Катерина. – Вот будешь сам помирать, вот тогда и читай Сенеку свою.

– Понял, мать. Не расположена. – Виктор с сожалением сунул книжку в карман. Помялся.

– Ну... Ты таксу-то мою знаешь?

– Да знаю. Будет тебе поллитра. Не переживай.

– Ну, так чего тогда? Пошёл я. – Виктор поднялся.

– Да и то, засиделся, – Катерина уже с трудом сдерживала раздражение.

– Аванец бы... – Виктор продолжал топтаться в дверях, смущённо мять в руках кепку.

– Вот паразит! – изумилась Катерина. – Да ить не померла ещё! Аванец ему...

– Ну, так подготовиться надо... Место посмотреть... То да сё...

– Тьфу! Дармоглот!

Под кроватью у Катерины стояла початая поллитра водки: дочь ею спину матери растирала.

– Возьми вон, – кивнула Катерина.

Виктор радостно засуетился, подхватил пузырь.

– Ты, мать, не переживай. Всё в лучшем виде будет. Не сомневайся, мать...

– Катись уже, – Катерина окончательно вышла из себя.

Виктор ушёл.

Катерина вздохнула. Чего колгочусь? Поди, так лежать не оставят. Уж управятся как-нибудь.

Как же! Управятся... Самогонку достать надо с погреба. Она там за бочкой с капустой припрятана, чтоб зятю на глаза не попалась. Не найдут ведь теперь. Кому в погреб-то лезть? Зять уехал. Дочь опять голосить начнет: чё, дескать, придумала?

Катерина сгреблась с кровати. Держась за стеночки, охая и причитая, потащилась в сенки – там был лаз в погреб. По пути прихватила попавшуюся на глаза авоську: за одним, картохи набрать.

Дочь бы не встретить...

Добравшись до цели, Катерина открыла крышку в погреб. Кряхтя и стеновая, поползла вниз, нащупывая ногой в темноте ступеньки. Не сверзиться бы... Благополучно спустившись, потянула дверь на себя. Дверь поддалась тяжело, со скрипом.

«Ишь... Забухла, поправить бы... Зятя-то не допросишься. Без меня тут совсем запаршивят...» – с досадой подумала Катерина.

Она пробралась к картофельной яме. Нагнувшись, начала нагребать картошку в мешок. И тут вдруг по спине Катерине чем-то страшно хрястнуло!

– Ох!..

У неё потемнело в глазах; ей даже показалось, что в спине что-то хрустнуло. Она стояла, согнувшись, боясь пошевелиться.

Катерина не сразу поняла, что произошло. И только увидев валяющийся на земле кочан капусты, облегчённо выдохнула. К потолку в погребе были приделаны металлические крюки, на

которых висели кочаны. Вот один из них сорвался и долбанул аккурат ей по спине.

Катерина прислушалась к себе. Сгребла сетку и, потихоньку переставляя ноги, направилась к выходу.

Одолев первые несколько ступенек, с удивлением обнаружила, что у неё ничего не болит: ни спина, ни желудок, ни другой какой орган. Поднялась ещё на пару ступеней – ничего. Выбравшись на свет божий, Катерина кинула в угол сетку с картошкой, подошла к окну.

В огороде дочь с внучкой пололи грядки. Возле внучки вился щенок, тыкался мордой ей в колени, то и дело опрокидывая пятилетнюю девчушку. Та залиvisto хохотала.

Глаза у Катерины повлажнели, черты лица стали как будто мягче. Катерина усмехнулась:

– Ишь, старая, помирать собралась. Поживём ещё.

Она вытерла рукавом глаза, направилась, было, к себе, но вдруг замерла, вспомнив о чём-то:

– Вот ведь паразит. Аванец ему! Живолот проклятый.

Антонина слышала, как стукнула калитка.

– Иди, доча, погляди, кто там.

Девчушка подбежала к ограде:

– Ой!.. Бабушка куда-то пошла.

Антонина вышла на улицу.

– И куда её потелепало?! – дочь беспокойно выглядывала из-под руки. – Помирать ведь собиралась!

... Юбка Катерины полоскала уже в конце улицы.

СЕРДЦЕ-ВЕЩУН

Рассказ

Лёха проснулся от неясной, щемящей тревоги. Открыл глаза. Полежал. Прислушался к себе. Не отпускало. Лёха попытался припомнить события предыдущего дня. В тяжёлой с похмелья голове мысли ворочались с трудом, медленно и натужно.

Лёха пил. Мало сказать пил. Пил крепко. В свои пятьдесят он выглядел лет на десять старше. Худой, высохший, с мятым, сморщенным, как печёное яблоко, лицом. Серая кожа тяжёлыми мешками свисала под глазами. При этом, в отличие от таких же приятелей-горемык, алкоголиков со стажем, Лёха не опустился.

Следил за собой: одет был всегда чисто, опрятно, можно сказать – фасонисто. Газельку свою тоже содержал в чистоте. Лёха шоферил. Раз в три дня выходил на маршрут. Накануне не пил. Водителем Лёха был, как говорится, от бога. За это и терпел хозяин его слабость. Даже обещал подарить старенькую газель, если Лёха ещё два года продержится, не уйдёт с маршрута. Работа – та ещё... Собачья.

Лёха приподнял голову, протяжно застонал... Голова раскалывалась.

– Ой-ё-о...

Что же это мы такое пили вчера? Колян пришёл вечером с бутылкой.

Столичной. Столичной не хватило...

– Ой-ё-о!

За окном светало. На часах без четверти пять. А в груди продолжало саднить – мерзко и нудно. Хоть вой! Что ж такое?

Незадолго до того, как пришёл Колян, Лёха был в гостях у Валентины.

Жена ушла от Лёхи лет пять тому назад. Или шесть? Не вытерпела бесконечных пьянок. Сын взрослый – отрезанный ломоть. Все эти годы Лёха жил бобылем. А тут...

С Валентиной они сошлись в прошлом году. Та поселилась через несколько домов от Лёхи, вниз по улице, в небольшом деревянном домишке. Одна. Только по выходным дочь приводила к ней внука, пацанёнка лет десяти, Петьку. Была она лет на пять моложе Лёхи. Валентина не была красива, или даже симпатична, но что-то потянуло к ней. Какая-то незащитность, покорность что ли? Неяркая, в отличие от бывшей жены: голос тихий, уголки губ всегда опущены.

Что-то напоминало в ней мать. Лёха совсем пацаном был, когда та умерла. Но именно такой она и осталась в памяти: с вечно виноватой улыбкой.

В общем, прикипел Лёха к бабе. Да и каково оно мужику, одному?

Валентина безропотно терпела Лёхины пьяные выходки. Не попрекала. Он потом случайно узнал от соседок, что Валентина, оказывается, баптистка. Лёха ничего против веры её не имел. «Может, через это она такая тихая? – рассуждал он. – А может, – после муженька своего».

Валентина как-то разоткровенничалась: призналась, что бывший её поколачивал. Лёха же в самом пьяном угаре ничего себе такого не позволял. Ни-ни!

Он встал, прошёл на кухню, открыл кран, набрал воды. Пил воду и продолжал мысленно перебирать вчерашний вечер.

Сидели. Смотрели телевизор: концерт какой-то... Петька весь вечер ныл, ночевать просился. Нет, не то... Тут Лёха вспомнил, что накануне Валентина жаловалось на сердце: говорила – покалывает, мол, таблетками на кухне шуршала...

«Нет. Неспроста мне так хреново. Неспроста! А может, с Валентиной что случилось? Может, это предчувствие у меня такое?» – Лёха беспокойно заходил по комнате. Чем больше он думал, тем больше укреплялся в мысли, что – не зря... Ох, не зря вот так подорвался он среди ночи и носится теперь в трусах по комнате, из конца в конец.

«Сердце-то чует! Не чурка ж я! Как бабка-то, бывало, говорила? Про сердце. Вещун? Точно! Вещун. Вот оно мне и вещает, итить твою...»

Лёха кинулся к телефону. В волнении, да ещё с бодуна, не сразу вспомнил номер. Трясущимися руками начал судорожно листать записную книжку, жать кнопки на телефоне.

«Не берёт. Трубку не берёт!» – Лёха набрал номер ещё раз. Гудки...

Он заметался по комнате: надо ж делать что-то! Как был, – в трусах – рванул к двери. Спихватился:

– Вот блин!

Схватил брюки. Рубашку уже надевал на ходу. Лёха припустил вниз по улице, оглушительно шлёпая в предупреденной тишине резиновыми тапочками по тротуару.

Добежав до дома Валентины, рванул калитку и замер. Сердце колотилось так, что отдавало в затылок, – то ли от волнения, то ли от неожиданно приключившегося утреннего марафона. Лёхин организм, изрядно подорванный алкоголем, был не готов к таким вызовам.

Покачиваясь, подошёл к крайнему окошку: тут она – комната Валентины. Рядом окно – в комнату жильца, Саида. Саид – гастарбайтер. На соседней стройке работает. Деньги с него небольшие, но какая-никакая копеечка. Вот Валентина ему комнату и сдавала.

Лёха осторожно постучал. Тишина. Постучал сильнее. Глухо.

– Валя... Валечка моя... – жалобно протянул Лёха. В доме не подавали признаков жизни.

Валентина слышала, как Лёха шарахался по двору. И открывать ему не собиралась. Пошатается с перепоею да уgomонится. Не первый раз.

Характер Лёха имел беспокойный. А «под мухой» он и вовсе с головой не дружил. Мог среди ночи закатиться к приятелю, которого со школы не видел, начать ломиться к соседу – отдать столетний долг. Проснуться мог в самом неожиданном месте. И хотя, в силу своего характера, Валентина мирилась с Лёхиными пьяными закидонами, однако же и её терпение было безгранично.

Последний случай окончательно её доконал. В прошлую субботу, после очередной пьянки, Лёха, неожиданно для себя, очнулся в здании электромеханического техникума, что на другом конце города. Как он туда попал – Лёха, хоть убей, не помнил. В панике, запинаясь в темноте о мебель, станки и еще не пойми что, кинулся искать выход. Двери оказались закрыты. Снаружи. Тут Лёха не на шутку трухнул. Кое-как нашёл окошко. В ужасе подвывая, полез наружу. Выбравшись на волю, определить своё местопребывание не смог. Ломанулся к неподалеку стоящей телефонной будке – благо была мелочь в карманах. Начал звонить Валентине. Пьяный, перепуганный, плакал в трубку, пытаясь описать своё местонахождение. Просил приехать, прихватив какие-нибудь тапочки, потому как, в довершение своих несчастий, Лёха оказался неожиданно для себя бос.

Пришлось Валентине среди ночи ловить такси, тащиться на другой конец города, с тапочками под мышкой.

Лёха сиротливо жался за автобусной остановкой. На вопрос, как он оказался в здании техникума и где его новёхонькие, пару раз всего надёванные ботинки, ничего вразумительного ответить не смог.

Так что к таким выходкам Валентине было не привыкать. Обойдётся – решила она, услышав шум во дворе.

Не обошлось.

Лёха продолжал метаться по двору. И тут он увидел у сарайки черенок от лопаты.

– Щас, щас, Валюша...

Лёха схватил черенок и что есть дури саданул по окну. Стекло – вдребезги! Лёха замер.

– Валентина! – со слезой в голосе позвал Лёха. – Отзовись!

Валентина подошла к расхлёстанному окну. В белой рубашке в тёмном проёме – она походила на привидение. Валентина молчала. Уголки губ её при этом, как всегда, были обиженно опущены.

– Дурак...

Не говоря больше ни слова, она развернулась и скрылась в глубине комнаты.

Лёха тащился по мирно спящей улице, как оплётанный.

– Вещун, блин... Придурок! В дурку тебе пора! Вещун... Олень педальный – вот кто ты есть, Алексей Васильевич!

И вдруг Лёха тормознул: нехорошая мысль осенила его страдающую с бодуна головушку.

– А чего она не открывала-то? А? Чего не открывала? – Лёхины глаза налились кровью. – Саид, твою душеньку...

Лёха развернулся и снова рванул к дому Валентины. На этот раз силы окончательно оставили его. Он еле волочил ноги, теребя тапки, громко сипел, хватаясь за сердце, то и дело останавливался и громко матерился:

– Я тебе покажу дружбу народов, рожа нерусская... Я тебе устрою... И эта – тихушница! Лярва!

На следующий день во двор к Лёхе зашёл участковый.

– Что ж это ты, Алексей, себе позволяешь?

– Чего ещё? – Лёха напрягся.

– Жалуются на тебя.

– Кто жалуется? – пробубнил Лёха.

– Известно кто: Дёмушкина Валентина Афанасьевна жалуется. А ты не знаешь?

Лёха прятал глаза и шмыгал носом, как проштрафившийся двоечник.

– За что ты соседке своей все окошки в доме перебил?

– Недоразумение это, – Лёха сквозь землю готов был провалиться.

– А фингал под глазом гражданки Дёмушкиной – тоже недоразумение?

Лёха сел на крыльцо, обречённо уронил голову на руки.

– Ну, чего ты, дурья башка, попёрся-то к ней? Ночью. – участковый сел рядом. – На кой ляд?

– Это всё вещун, Иваныч.

– Какой, к лешему, вещун?

– Сердце-вещун, вот какой, Иваныч.

И Лёха рассказал Иванычу о своём ночном приключении. Всё как есть: в красках и лицах.

Выслушав рассказ о Лёхиных злоключениях до конца, икая от смеха и вытирая слёзы, участковый поднялся.

– Завязывал бы ты, Алексей Васильевич, пить. Вот, что я тебе скажу! Счастье твоё, что Саид на стройке дежурил, а то сидеть бы тебе, Лёха... Как пить дать – сидеть! Скажи спасибо Валентине – не стала писать на тебя, дурака, заявление.

Участковый пошёл на выход. Остановился. Повернулся к Лёхе:

– Как там бабка-то твоя говорила?

– Вещун.

– Вот я тебе и вещаю, Лёха, – бросай пить!

Участковый ушёл. Лёха остался сидеть на крыльце. В приоткрытую калитку сунулся пёс. Пару месяцев назад он прибил к той самой стройке, на которой Саид работал. Мужики его не гнали, подкармливали. Какой-никакой охранник. Пёс был старый, жизнью битый. Глаза у него слезились, с худых боков клочьями свисала свалявшаяся шерсть.

С Лёхой они тоже приятельствовали, потому как не было в последнее время в его жизни более благодарного слушателя: когдахватишь лишка, а поговорить страсть как охота.

Пёс подошёл, ткнулся мордой в тапки и замер. Лёха ласково потрепал пса по загривку. Ладонью нащупал запутавшийся в шерсти репей. И тут, в эту минуту, почувствовал он себя таким же старым, неприкаянным, никому не нужным псом.

Лёха тихонько завыл.

*г. Бердск,
Новосибирская обл.*